

*Инна
Бачинская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив
сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя

Сериал «Детективный триумвират»
Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стеклянные куклы
Пепел сердца

Сериал «Дикие лебеди»
Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны

Сериал «Королевская охота»
Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»
Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм

*Инна
Баринская*

Потревоженный
демон

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Потревоженный демон : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-94699-0

Весь мир — театр, а люди в нем — актеры. Эта шекспировская фраза как нельзя лучше подходит для описания того, что случилось в небольшом провинциальном городе: здесь происходят какие-то невероятно «театральные», будто показательные, преступления. Одно убийство совершено стрелой из лука, другое — просто кулаком, одним ударом в сердце. Еще одну жертву заточили на несколько дней в заброшенном подвале, в полной темноте, под аккомпанемент записанных на диктофон ужасающих женских воплей... Как ни странно, следы всех этих преступлений ведут в городскую библиотеку, где с недавних пор работает клуб любителей английского языка «Спикеры». И сейчас «Спикеры» как раз репетируют спектакль...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94699-0 © Бачинская И.Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Зверь спущен. Вот она, потеха
Разоблаченных палачей.
Звериный лик. Раскаты смеха.
Звериный голос: «Бей! Бей!
Бей!»

К. Бальмонт. Зверь спущен

Пролог

Человек сидел на шерботой средней скамейке под синим пластиковым навесом — на остановке второго троллейбуса их три, — свесив голову на грудь. Похоже, спал. Прилично одетый, при галстукe, не пьянь подзаборная, что странно — нечего такому человеку делать в пять утра на остановке троллейбуса, который появится только в шесть десять. Уличный пес, бежавший по какому-то своему важному делу, вдруг приостановился с вытянутой лапой и настороженно замер. Потом нерешительно подошел ближе и вдруг, подняв голову к сероющему сумеречному еще небу, дурным голосом завыл. Дворничиха, шоркающая метлой поблизости, перестала шоркать и посмотрела в его сторону. Подошла. Вгляделась, тронула человека за плечо, позвала: «Эй, мужчина, вы спите? Подъем!»

Тот не ответил, остался неподвижен. Она, все еще не понимая, чуть встряхнула его, и человек тяжело завалился на бок. Она отпрянула и пробормотала: «Да что же это... Господи!» Достала мобильный телефон, набрала номер и, оглянувшись, начала говорить.

Оперативная бригада приехала через двадцать минут...

Глава 1

Из жизни Эмилия Ивановича

— Эмочка, я тебя люблю! — воскликнула эмоциональная Ирина Антоновна, бросаясь на шею молодому человеку по имени Эмилий Иванович. — Ты не представляешь, как ты нас выручил! Сию минуту позвоню ребятам! До вечера!

Она унеслась звонить ребятам, а смущенный Эмилий Иванович остался. Вздыхая и улыбаясь, он еще некоторое время смотрел Ирине Антоновне вслед. Когда она скрылась в глубине аллеи, он обвел рассеянным взглядом столетние деревья — дубы, клены и липы, — высокие кусты отцветшего жасмина, длинные клумбы с осенними каннами и майорами, задрал голову, прищурясь, посмотрел в просвет деревьев на еще полетнему жаркое солнце. В это время — слегка после полудня — парк был почти пуст, безмятежен, задумчиво тих, и был разлит в нем мягкий зеленоватый свет. Сияли белые стены и золотые маковки храмов, летали, жужжа, цветочные мухи и бабочки; по аллее мимо губернской канцелярии и стоящего на крыльце Эмилия Ивановича неспешно катила коляску с младенцем молодая женщина в красном платье. Глаза их

встретились, и Эмилий Иванович кивнул. Молодая женщина улыбнулась...

Это был замечательный старинный парк, с которого чуть не тысячу лет назад зачался город. Отсюда открывался вид на плавную реку с длинными песчаными пляжами и заречьем до самого горизонта с одной стороны и на город — с другой. Там тоже плыли среди зелени и синевы белые храмы и золотые луковицы. Насмотревшись на эту благодать, Эмилий Иванович запер дверь и по стеночке, на ощупь, отправился к себе в кабинет. Почему на ощупь, спросите вы. По той простой причине, что в домике губернской канцелярии было темно из-за мощных полутораметровых стен и крохотных окон-бойниц, не пропускающих дневной свет или пропускающих, но в очень малых количествах. Умирающая лампочка же на стене светила слабым голубоватым светом. Здесь было темно, прохладно и слегка пахло тленом. Дом губернской канцелярии — приземистый, кирпичный, двухэтажный особняк в стиле барокко, с фигурными выступами, всякими фризами и контрфорсами — насчитывал пару сотен лет, а то и больше и был предметом распри между несколькими культурными ведомствами города. Сегодня он принадлежит историческому музею, и здесь квартирует отдел старых документов, рукописей и книг. Большая часть коллекции занесена в картотеки, многое по-прежнему в ящиках. Задачей Эмилия Ивановича было привести все это хозяйство в порядок. Эмилий Иванович — современный молодой человек, а потому ведет не карточные каталоги, как было принято до него, а компьютерные и все сделанное в прошлом веке, не торопясь, ретроспективно конвертирует туда же. Работы много, и Эмилий Иванович иногда сидит допоздна, так как торопиться ему некуда — он холост, живет один, не считая пушистой черно-белой собачки Тяпы, и подруги у него нет. Он, можно

сказать, счастлив, хотя один его знакомый сказал, что от такой жизни и такой работы сей секунд повесился бы. А Эмилию Ивановичу нравится. Он проработал несколько месяцев учителем истории — у него диплом истфака местного педагогического университета, — а еще директором магазина «Книжный червь», куда попал совершенно случайно, через благодарного пациента мамы Стеллы Георгиевны. С подрастающим поколением он не сработался, а магазин, увы, закрылся. Но это к лучшему, потому что Эмилий Иванович побаивался и смущался своих подчиненных — нескольких бойких на язык молодых женщин, от которых он спасался в собственном кабинете и сидел там тихо, как мышь под веником. Эти глазастые молодые женщины замечали и разные носки у него на ногах — был за Эмилием Ивановичем такой грешок по рассеянности — и плохо выглаженную рубашку, и майку, надетую наизнанку; Эмилий Иванович постоянно чувствовал на себе их пронизывающие, как рентген, взгляды и ежился от их хихиканья. Благодаря счастливому стечению обстоятельств освободилось место в отделе рукописей городского музея, и Эмилий Иванович прекрасно прошел интервью. Правда, других желающих не было вовсе.

Здесь у Эмилия Ивановича есть все, что нужно для счастья нормальному человеку без особых запросов: интересная работа, электрическая плитка, маленький хромированный кофейник и красная мельничка для кофе с блестящей металлической ручкой — исключительно для декора, так как механизм электрический. Ну и, кроме того, пара красивых фаянсовых кружек дизайнерской работы: с изображением вороны с иронической мордой (из этой кружки пьет сам Эмилий Иванович) и радостного снегиря (на случай внезапного гостя). А также запасы сухариков, сахара и кофе в зернах. Иногда под настроение он покупает пакетик сливок, хотя считает, что сливки портят вкус

кофе. Иногда – пирожное «Наполеон», что уже высший пилотаж и лишние калории, если честно.

Вот и сейчас Эмилий Иванович направился в крошечную комнатку без окон, где располагается «пищеблок», или «камбуз» – как вам больше понравится, – и засыпал кофейных зерен в мельничку, которую из-за прозрачного пластмассового колпака называет Астронавтом. Астронавт включил зеленую фару, заскрежетал, зигзагами задвигался по столу, и тут же по воздуху поплыл волшебный, сбивающий с ног дух настоящей арабики. Эмилий Иванович даже глаза закрыл от удовольствия, невольно сглотнул и вспомнил маму, которая считала, что кофе вреден, а потому не одобряла. Мамы нет уже шесть лет, но Эмилий Иванович вспоминает ее всякий раз, когда слышит запах кофе. Это уже стало чем-то вроде ритуала: скрежет Астронавта, сумасшедший запах кофе и всплывающее перед мысленным взором неодобрительное лицо мамы Стеллы Георгиевны с приподнятой бровью, врача-терапевта третьей городской поликлиники. Стелла Георгиевна вела здоровый образ жизни и даже купалась в проруби. Эмилий Иванович же рос довольно болезненным и хилым ребенком – какая там прорубь! Кроме того, он не то чтобы предавался гастрономическим излишествам, но покушать любил. И кофе любил. И пирожное «Наполеон». И шоколад. И готовить любил, как оказалось, когда не стало мамы. Особенно ему удавались борщи и пельмени, которым в подметки не годился магазинный продукт. Эмилий Иванович усаживался перед телевизором, когда показывали политическое ток-шоу, слушал вполуха и смотрел вполглаза, вздрагивая от какого-нибудь особенно громкого полемического вопля, и лепил пельмени, аккуратно укладывая комочек фарша, добренного специями, на тончайший кружок теста из рисовой муки под названием «кожа дракона». После чего окунал палец в чашку с водой, смачивал кружок

по ободу и тщательно клеивал. В круглой коробочке с китайскими иероглифами и красным драконом на крышке — сто кружков, значит, на выходе — сто первоклассных пельменей. «Кожу дракона» привозил Эмилию Ивановичу сосед Жорик, бизнесмен, который закупал в Китае всякий ширпотреб, — его квартира была забита копеечной ерундой, как то: китайскими фонариками, витыми шнурами с кисточками и колокольчиками, пластмассовыми цветами, меховыми зверушками, календарями с китайскими красавицами, толстыми младенцами и драконами, фаянсовыми буддами и лысыми китайскими мудрецами с посохом. И жена его, настоящая китаянка по имени Ли Мэй, словно сошла с глянцевого странички календаря. Она очень нравилась Эмилию Ивановичу, который любил все необычное. Кроме того, она научила его делать *дамплинги*. Пельмени, по-нашему.

Дамплинги порхали в кипящей воде, как бабочки, то взмывая кверху, словно норовя выскочить из кастрюли, то опускаясь на дно, трепеща шелковыми рисовыми крылышками. Эмилий Иванович, затаив дыхание, отлавливал их сачком-шумовкой и укладывал на большую тарелку из фамильного сервиза, который мама разрешала брать только по праздникам, а Эмилий Иванович справедливо рассудил, что дамплингам нужна соответствующая посуда. На вкус же они были — восторг, упоение... просто ах! И слов-то сразу не подберешь. Особенно под соевым соусом. И непременно закатить глаза и жевать не торопясь. Можно под пиво.

Эмилий Иванович, как уже упоминалось, одинок. Не старый холостяк, нет — ему не то тридцать три, не то тридцать четыре, возраст вершины, — а просто одинок. Так сложилось. Была лет десять назад какая-то история любви с девочкой из предместья, которая не понравилась Стелле Георгиевне. Знаем мы таких искательниц приключений, а потом квартиру разменивай! Да

и где знакомиться с девушками? На дискотеки Эмилий Иванович не ходит, в конкурсах караоке на площади не участвует, друзей с безмужними сестрами и племянницами у него немного, вернее, вовсе нет, а знакомиться на улице не всем дано. Да и не та у Эмилия Ивановича внешность, чтобы знакомиться на улице. Нет, нет, не подумайте чего, но... Ему бы сбросить килограмм десять-пятнадцать живого веса, да в фитнес-клуб, да постричься красиво, да очки поинтереснее, да последить за осанкой... Например, стоять, прислоняясь спиной к стенке, по десять минут в день, что ли... и вообще. Тогда бы да. Ведь говорят же, что про всякого зверя есть ловец и про всякого купца товар... как-то так.

Эмилий Иванович уселся на крыльце губернской канцелярии, имея в руке дизайнерскую чашку с иронической вороной, наполненную замечательным кофе. Вокруг сиял безмятежный день позднего лета, было тихо, зелено и благостно, не шевелилась ни одна травинка, разве что гнулась, когда проползала по ней неторопливо какая-нибудь досужая разноцветная букашка. Эмилий Иванович уже в который раз подумал, что у старинного парка особенная аура, что неудивительно, так как раньше люди умели выбирать места для зачина городов. Даже сверкающие там и сям редкие желтые листья добавляли в мироощущение вполне уместную и допустимую нотку грусти и наводили на мысль о том, что все проходит. Но мысль эта была легкой и нежной, не было в ней ни надрыва, ни горечи, а один лишь светлый философский смысл, невесомый, как паутинка бабьего лета.

Он не без удовольствия вспомнил, что завтра вечером придет Ирина Антоновна, Ириша, со своей шумной командой, вернее, труппой, и праздник продолжится. Только бы до начальства не дошло.

— Спикеры, надо же! — Эмилий Иванович до ушей улыбнулся и отхлебнул кофе...

Глава 2 «Спикеры»

«Спикеры»... Ох уж эти спикеры! Они с гордостью носили звание спикеров. Нет, нет, не подумайте, ничего общего ни с политикой, ни с парламентом. Упаси боже! «Спикер» — от «ту спик», что по-английски значит «говорить». То есть те, кто способен говорить, в нашем случае по-английски. Говорить или сказать хоть что-нибудь. В общем, если дословно, то те, кто говорит. «Говорители» или «говорящие». Можно «ораторы», но это не про них, слишком круто. А вообще речь идет о Клубе английского языка при центральной городской библиотеке, всего-то. Три года назад двадцать разношерстных пионеров собрались для создания клуба, прочитав объявление в местном «Курьере» и услышав по радио призыв: «Всем, всем, всем! Научим, образуем, в оригинале, в совершенстве, задаром! Только придите!»

Пришло, как уже упоминалось, человек двадцать, среди них оказались самые разные личности. В том числе бывший лектор общества «Знание», почтенный старец лет восьмидесяти от роду, которому не хватало общения и хотелось поговорить на тему: «Тогда и сейчас»; студент местного истфака Иван Цехмистро, в своем роде знаменитость, которому нужна была аудитория для донесения собственных взглядов на политику, международные отношения и мироустройство в целом. Иван оказался умным и эрудированным студентом, спорщиком по любому поводу, даже самому нестоящему. Когда он взбирался на кафедру, в аудитории начинался гул, топот и свистки. Иван обижался и называл сокурсников варварами. А тут вдруг подвернулась свежая аудитория, где его еще не знали.

Пришла пенсионерка, которой нечем было себя занять — дети выросли и разлетелись, а муж уехал в Португалию на заработки, — милая, тихая, ее звали Зоя; пришла необычного вида девушка средних лет, у которой была манера уставиться в журнал или газету, раскачиваться и тихонько тянуть бесконечную ноту, якобы про себя, что производило странное впечатление.

Пришел сварливый молодой человек Павел, который цеплялся к Ирине Антоновне и критиковал ее методику преподавания как бесперспективную и несовременную. Никакого образования он меж тем не имел вовсе.

Пришел преподаватель музыкальной школы, собирающийся в аспирантуру, необыкновенно красивый мужчина, который оказался впоследствии абсолютно невосприимчивым к английскому, несмотря на совершенный музыкальный слух.

Словом, потянулись всякие разные, и оказалось, что в городе полно необычных особей. С одной стороны, чудачки украшают жизнь — издалека, правда; с другой — в быту лучше держаться от них подальше. И главное, никогда с ними не спорить — бесполезно, задавят дурацкими аргументами и опытом. Кроме того, не стоит забывать, что чудачки неутомимы. Как правило, это люди с огоньком, инициативой и поголовно оптимисты. Бьюсь об заклад, вам никогда еще не попадался депрессивный чудак.

Ну да ладно, собрались, расселись, все такие разные, как уже было упомянуто. Рассмотрели друг дружку, представились, рассказали коротенько о себе, и тут посыпались разные интересные предложения. Походы в театр, встречи, конкурсы и викторины. Много было криков и споров до драки насчет названия. Предлагались «Британика», «Лондон», «Англосаксы», «Челси», «Честерфилд», «Гай Фокс», «Гауэр» — одним словом, все, что имело прямое или не прямое отношение к Англии. Мнения разошлись, гвалт стоял страшный. Народ был горячий,

каждый со страстью отстаивал свои взгляды. Потом рассудительный художник-оформитель Саша Немет, оказавшийся там в ту пору, не кандидат в члены клуба, нет, а случайный посетитель, сказал: «А что вы собираетесь тут делать, уважаемые господа?» На миг воцарилась недоуменная тишина. Учить язык, ответил он весело. Зачем? Клубмены переглянулись. Чтобы говорить, сказал Саша. Значит, вы кто? «Кто?» — было написано на лицах присутствующих. Значит, вы спикеры. Почему? Потому что «ту спик» по-английски значит «говорить».

Спикеры? Ну, в принципе, пожалуй, что спикеры. Кто «за»?

Через пару недель балласт отсеялся, остались около десятка мотивированных бойцов, и пошла писать губерния. Художник-оформитель, кстати, чувствуя себя крестным отцом, тоже стал появляться. Правилом номер один клуба было: говорить, говорить, говорить, и черт с ними, с ошибками! Попав в незнакомую языковую среду, вы мобилизуете все накопленное, случайно услышанное или подслушанное и выдаете результат. Можно привирать или даже врать на полную катушку. Меня зовут Саша. Я художник. Я живу в Лондоне. Ура! Я робот! Меня зовут Мултивак. Я... я... я пою в опере! Я инженер! Космонавт! Карлик! Владелец казино! Мэрилин Монро! Мне пятнадцать, сорок, семьдесят, сто пятьдесят три! Я миллионер! У меня пять... как будет «яхта»? Замок в Шотландии. Я арабский шейх, у меня гарем. Сколько? Э-э-э... пятнадцать! А детей? Сорок пять! И «Бентли»! Два!

И стишки на память: «Маленькая птичка пела в декабре!», «Твинкл, твинкл, литтл стар!»¹

¹ Little bird sang in December (англ.) — Маленькая птичка пела в декабре;

Twinkle, twinkle, little star (англ.) — Сияй, сияй, маленькая звездочка!
Англ. хрестоматийные стихи для детей.

А также походы на пляж, за реку, пикники, дни рождения — и все по-английски. Ну, по возможности. Они нашли себя сами, и это было здорово!

А однажды, сидя на закате на длинной скамейке с видом на реку — а кто не уместился, на траве, — спикеры притихли, задумались: чего бы это еще придумать? А если театр? Пьесу? Можно добавить городского колорита, изобразить известных лиц, которые на виду и на слуху. А судьи кто? То есть благодарные зрители? Как это кто! А спецшколы? А иняз местного педа? А кафедры трех городских вузов? Да от желающих отбоя не будет! Плюс родственники, друзья, поклонники, а также разномастные любители и самоучки.

Значит, театр? Решено! Даешь театр! Ура!

Повторные мучения насчет названия, крики и озарения... Шекспировский «Глобус»? «Медвежий садок» — оттуда же? «Метрополия»? По новой — «Британика»? И так далее.

Мы кто, весомо спросил художник Саша Немет, дождавшись паузы. Мы спикеры. Согласны? «Ну!» — ответил озадаченный коллектив. Чего плодить клички, только людей зря путать, сказал Саша. Клуб «Спикеры», театр тоже «Спикеры». Спикер, он и есть спикер. Кто «за»?

Саша Немет был так немногословен и так убедителен, что с ним не поспоришь. Сказал — как припечатал. Клуб «Спикеры» — первая ступень, для начинающих, театр «Спикеры» — вторая, для продвинутых, тех, кто ощутил в себе сценический зуд. А начинающим роли без слов, чтобы не обидно.

— Ага, е-два е-четыре, и не надо ездить публике по мозгам, — сказал Юра Шевчук, ерник и циник. — Нормально.

Потом долго выбирали пьесу. Чтобы не арт-хаус, не слишком сложная и вполне узнаваемая. Ирина Антоновна мечтала о «Пигмалионе», но увы. Сложная лексика, тонкий юмор... Рано. Оста-